Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

Для Англии век Елизаветы по громадному своему значению для этой страны был тем же, что был для Франции век Людовика XIV; для России – век нашего Петра Первого; для Пруссии – век Фридриха Великого. Елизавете Великобритания обязана своим политическим единством, началом могущества на морях, славой на суше, почетным своим местом в сфере европейских государств, развитием внешней своей торговли и внутренней промышленности; наконец, блестящими успехами наук и искусств.

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5

Кондратий Петрович Биркин
Елизавета, королева английская

Роберт Дадлей, граф Лейчестер– Роберт дЭвре, граф Эссекс (1558–1603)

Для Англии век Елизаветы по громадному своему значению для этой страны был тем же, что был для Франции век Людовика XIV; для России – век нашего Петра Первого; для Пруссии – век Фридриха Великого. Елизавете Великобритания обязана своим политическим единством, началом могущества на морях, славой на суше, почетным своим местом в сфере европейских государств, развитием внешней своей торговли и внутренней промышленности; наконец, блестящими успехами наук и искусств. Как королева Елизавета вполне достойна удивления потомства, лавры ее неувядаемы, и вечная слава венчает ее светлым, ничем не затмеваемым ореолом. Смотреть на нее с этой точки зрения нам не под силу: «глазам больно» и высота недосягаемая, доступная Юму, Робертсону, Боклю, Маколею. Избрав предметом нашего посильного труда эпизодические события жизни и те фазисы бытия великих властителей и властительниц земли, когда они или оне являлись данниками слабости человеческой, мы посмотрим на Елизавету, не вознесенную на высоту своего величия, но низведенную на степень простой, обыкновенной смертной с ее слабостями, недостатками и характером, с некоторыми чертами которого мы уже познакомились. Не в короне и порфире, окруженную великими сподвижниками, с миллионами раболепствующих подданных у ее ног мы увидим Елизавету. Нет! Мы вызовем ее тень в миртовом венке, в наряде светской кокетки, в объятиях фаворитов, смиренно преклоняющуюся перед могуществом любви; не повелевающую, но повинующуюся. Елизавета в тронном зале, в парламенте, окончательно избавляющая Англию от папского ига, побеждающая с помощью Божией Непобедимую армаду Филиппа II – одно лицо; мы увидим другое. Нас интересует страстная, как львица, и, подобно львице, ужасная в своей страстности женщина: из любви к своему Лейчестеру отказывающая сватающимся за нее и принцам и королям; женщина, которую скорбь по казненному ею графу Эссексу сводит в могилу; мечтательница в тенистых рощах Вудстока, кокетливо-резвая в чертогах Кенильвортса или в парках Ричмонда и Виндзора.

Здесь, к слову, заметим, что Елизавета, подобно многим

другим историческим личностям, вдохновляла великое множество поэтов, романистов, композиторов, живописцев, и каждый из них более или менее погрешил против исторической правды, воспевая Елизавету или избирая ее в героини трагедии, романа или в натурщицы картины… Последние, то есть живописцы, пожалуй, еще менее всех прочих художников представляли королеву английскую в искаженном виде; зато поэты и романисты не стеснялись и наплели на Елизавету небылицы, которые ей при жизни и во сне не снились. Так, между прочим, в ее фавориты пожаловали славного Шекспира! Он прославил ее царствование, а романисты вместо того бесславят и его, и Елизавету небывалой между ними вымышленной связью… Только один романист действительно воскресил для потомства королеву английскую в бессмертном своем произведении, вероятно знакомом нашим читателям хоть в переводе, так как они, без сомнения, читали «Замок Кенильуртос», роман славного Вальтера Скотта.

Дочь Генриха VIII и Анны Болейн, Елизавета родилась 7 сентября 1533 года, через три с половиной месяца после их бракосочетания. Этому обстоятельству, конечно, не следует придавать особого значения, так как король-тиран мог узаконить дочь или сына, родившихся даже и за год до его свадьбы, но дело в том, что, играя законами, Генрих VIII то лишал Елизавету ее прав, то восстанавливал их по своему капризу; наконец, умирая, наследниками своими назначил поочередно всех своих детей: Эдуарда, Марию Тюдор и Елизавету. Последняя, воспитанная Паркером в законе протестантском, принуждена была в кровавое царствование своей сводной сестры Марии (1554–1558) перейти в католицизм. Этим она спасла свою голову от плахи, но не снискала при дворе того почета, которого вправе была требовать как наследница престола. При Эдуарде VI, который любил Елизавету, у нее были льстецы и поклонники; брат правителя, родной дядя короля, адмирал Томас Сеймур, искал ее руки,[1] но Елизавета отказалась от этой чести, предвидя бедственный конец временщика, главное же – втайне любя Куртенэ, графа Девоншира, к которому и Мария Тюдор питала страсть, презренную и отвергнутую жестоким. При воцарении Марии все изменилось, и дочь Екатерины Арагонской находилась в тех же самых отношениях к дочери Анны Болейн, в каких впоследствии Елизавета сама находилась к Марии Стюарт. Помимо соперничества в любви, Мария Тюдор преследовала Елизавету, во-первых, за то, что та была восемнадцатью годами ее моложе и в тысячу раз красивее; во-вторых, за различие вероисповеданий; в-третьих, за те обиды и страдания, которые по милости Анны

Болейн перенесла Екатерина Арагонская. Заподозренная в соучастии в заговоре Томаса Уайта, Елизавета в марте 1554 года была заключена в Тауэр и подвергнута суду. С необыкновенным умом и тактом она оправдалась во всех обвинениях и, благодаря ходатайству жениха Марии Тюдор, испанского короля Филиппа II, была избавлена от тюрьмы. По освобождении ее Мария Тюдор предлагала Елизавете выйти замуж за герцога Савойского, но Елизавета, понимая, что это замужество не что иное, как замаскированное изгнание, отказалась от этого предложения. Этим она пуще прежнего вооружила против себя Марию, которая удалила ее в замок Вудсток, а графа Девоншира в Фортсрингэ. Разлучая, таким образом, с Елизаветою графа, равнодушного к отвратительным прелестям Марии Тюдор, последняя воображала досадить принцессе, но жестоко ошиблась, так как сердце Елизаветы в это время уже занято было другим предметом, молодым красавцем Робертом Дадлеем, сыном недавно казненного герцога Нортумберленда. Принцесса познакомилась с ним в бытность свою в Тауэр, где и он был заточен, подобно ей, но лишенный родовых прав и всего имущества. Роберт, старше Елизаветы двумя годами, родился в 1531 году и был сверстником короля Эдуарда VI. Падение отца, а вслед за тем заговор Уайта подвергли его опале королевской и были причинами заключения в Тауэр, где по таинственному предопределению судьба столкнула его с Елизаветой. С первых своих встреч с красавцем Дадлеем принцесса почувствовала в своем сердце непреодолимое к нему влечение, по объяснению Кэмдена, вследствие рождения своего с Дадлеем под одним и тем же созвездием. Трудно было бы найти причину глупее, но, может быть, именно вследствие своей пошлости это астрологическое оправдание связи Елизаветы с ее первым фаворитом нашло достаточное количество людей легковерных, им довольствовавшихся. Не рождение под одной и той же звездой сблизило Елизавету с Робертом, а нахождение ее с ним под сводами одной и той же темницы; сильнее всякого планетного влияния подействовал на принцессу очаровательный взгляд восемнадцатилетнего юноши, вкрадчивый его голос, речи, проникнутые живейшим участием; наконец, первый поцелуй пламенных его уст, первые страстные объятия, в которые пала обольщенная Елизавета… «Любовь графа Лейчестера была чисто платоническая», – говорят некоторые историки, пекущиеся о целомудрии королевы английской. Могут уверять в этом сколько им угодно, но едва ли кто поверит им! Не тот был век, да и Елизавета по своему происхождению и по страстной комплекции была далека от нелепого идеализма.

Роберт Дадлей, освобожденный вскоре после избавления

Елизаветы, удостоился совершенного прощения с возвращением всех прав и с производством в фельдцейхмейстеры. Он тайно навещал Елизавету в Вудстоке, где она жила тем более забытая, почти презренная всеми, что парламент в угоду Марии Тюдор объявил тогда брак Генриха VIII с Анной Болейн недействительным, а Елизавету – незаконной. Отнимая у нее надежду когда-нибудь быть на престоле, Мария Тюдор сама тешилась несбыточной мечтой иметь законных наследников от своего супруга Филиппа II. Последний, явно сочувствуя Елизавете, уговорил Марию дозволить ей переселиться из Вудстока в иное, более приятное местопребывание. Мария согласилась; Елизавета, наконец совершенно свободная, перебралась в уединенный замок Гэтфильд и здесь прилежно занималась науками, изучением языков и на досуге садоводством. Радея о своем образовании, она как будто предчувствовала свой блестящий жребий и в недалеком будущем видела корону над своей головой. Уединение, смертельно-тоскливое для человека с ограниченным умом, бывает всего чаще благотворно для человека, одаренного разумом обширным и богатыми способностями. Дообразовывая себя, Елизавета кроме наук реальных и умозрительных в совершенстве изучила кроме своего языка природного языки французский, итальянский, латинский, читала и переводила классиков и, подобно своему покойному отцу, любила поспорить о философских доктринах и религиозных догматах. Отличительной чертой ее ума был сарказм, и в самом обыденном разговоре она не скупилась на колкости и на приправу своих речей аттической солью. С холодной степенностью истой дочери Британии она могла соединять остроумие француженки и шутливость итальянки. Люди, самые недоброжелательные к Елизавете, не осмеливались отказать ей в обширном уме, что же касается до сердца, то от чуткого слуха молвы не укрылись учащенные, прерывистые его удары при встречах Елизаветы с Робертом Дадлеем. Нежно влюбленный, заботясь о доброй славе будущей своей государыни, он для устранения подозрений женился на знатной, богатой девице… Может быть, и на Эми Робсар, памяти которой Вальтер Скотт посвятил так много трогательных страниц в своем вышеупомянутом романе. Достоверных исторических данных о первой женитьбе будущего графа Лейчестера так мало, что нам поневоле приходится ссылаться на рассказы английского историка-романиста. Едва ли мы ошибаемся, говоря, что Роберт Дадлей женился за год до восшествия на престол Елизаветы.

Мария Тюдор, старая дева, нашедшая молодого мужа, в которого влюбилась без памяти, неоднократно объявляла

парламенту и народу о своей мнимой беременности, принимая за ее признаки болезнь, которая свела ее в могилу. Народ, обманывавшийся в ожиданиях, отвечал на манифесты Марии Тюдор об интересном ее положении грубыми, циническими шутками. Королева умерла от водянки 17 ноября 1558 года, кроме болезни, удрученная горем по случаю взятия Кале французами, но еще того более по случаю разлуки с мужем, уехавшим в свое королевство.

Еще недавно объявленная незаконной, лишенной прав на престол, Елизавета, теперь смертью Марии Тюдор узаконенная, не теряя времени, прибыла из Гэтфильда в Лондон, встречаемая повсюду народом с изъявлениями непритворной радости; въезд ее в Лондон был истинным триумфом. В своей речи к членам парламента новая королева сравнивала себя с пророком Даниилом, милостью Божией спасенным изо рва львиного. Всем заточенным в тюрьмах за какие бы то ни было преступления объявлено было прощение; о притеснении лютеран не только не было помину, но Елизавета явно выказала себя их защитницей и покровительницей. Бывший ее доброжелатель, Филипп II, король испанский предложил ей свою руку, от которой Елизавета отказалась, презирая в нем слишком ярого поборника католицизма. Обряд коронования и священного миропомазания по уставу церкви католической совершен был 15 января 1559 года, причем, как говорят летописи, королева выказала крайнее неуважение к святыни и великому таинству. Через два месяца после того Елизавета согласилась на принятие титула главы церкви, предложенного ей парламентом, и восстановила в прежней силе законы Генриха VIII и Эдуарда VI о независимости церкви англиканской от римского первосвященника. Высшие духовные чины отказались от признания королевы главой церкви, но на их протест не обратили внимания, так как большинство священников подало голос в пользу Елизаветы. Так, без всякого кровопролития, совершилось знаменательное для Европы событие отпадения Англии от церкви римской! В это же время разорительная для государства война с Францией была окончена честным миром. Парламент, воздавая должную дань удивления этим первым двум подвигам королевы, озаботился, однако же, приисканием ей достойного помощника в лице супруга и с этой мыслью, избрав из своей среды депутатов, отправил их к Елизавете. Выслушав их, она отвечала им: «Для славы Божией, для блага государства я решилась нерушимо хранить обет девства. Взгляните на мой государственный перстень, – продолжала она, показывая депутатам на этот символ власти, еще не снятый после коронования, – им я уже обручилась с супругом,

которому буду неизменно верна до могилы… Мой супруг – Англия, дети – мои подданные. Если польза и счастие последних потребует от меня принесения им в жертву моей девичьей свободы, я изберу себе в супруги человека достойнейшего, но до тех пор желаю, чтобы на моей гробнице начертили: *жила и умерла королевою и девственницею».*

Эта речь делала честь ораторскому таланту Елизаветы и была умилительно-трогательна, если бы не была смешна. Отклоняясь от выбора законного мужа ради девического целомудрия, королева-девственница именно в это время осыпала щедротами и почестями Роберта Дадлея, прозванного *сердцем двора* и пожалованного в обер-шталмейстеры королевы, в кавалеры ордена Подвязки с придачей замков и поместий Кенильуртос, Денби и Черк. По примеру всех временщиков Дадлей, не довольствуясь этими первыми ступенями к своему возвышению, простирал свои виды далее и выше, избрав целью всех стремлений престол и корону. Предложение парламента королеве как нельзя лучше согласовалось с его заветными надеждами, а обещание Елизаветы в случае ее замужества избрать себе в супруги *достойнейшего* казалось ему намеком на него же самого. Бестрепетной рукой он отравил нежную, искренне его любившую жену,[2] как бы в доказательство, что он может быть вполне достойнейшим супругом достойной дочери Генриха VIII. В это время у Елизаветы не было отбоя от женихов, которых она браковала по собственному сердечному побуждению, но еще того более – по наветам Дадлея. За Елизавету сватались одновременно электор-палатин Казимир; эрцгерцог австрийский Карл, герцог Гольштинский, дядя датского короля; Эрик, наследный принц шведский. Кроме этих венценосцев руки королевы английской домогались вельможи ее двора: кавалер Пикеринг, граф Арондель, граф д'Арранн, претендент на шотландский престол, и Роберт Дадлей. Самым настойчивым женихом из первого разряда был Эрик, принц шведский. Какая-то непреодолимая сила влекла его к Елизавете, в которой он, вероятно, угадывал такое же чудовище в женском роде, каким был сам в мужском. Он с королевой английской завел нежную переписку, удивляя ее своей страстью тем более, что влюбился в нее по слухам и по портретам. Не отвечая ему ни да ни нет, кокетничая с этим сыном великого Густава Вазы, королева английская написала ему, что едва ли когда выйдет за человека, которого не видела в глаза. Приняв это за приглашение, Эрик решился ехать в Англию, в чем ему воспрепятствовала смерть его отца (29 сентября 1560 года). Посланник Эрика при английском дворе,

Гилленстиерн, узнав о нежных отношениях между Елизаветой

и Дадлеем, уведомил Эрика об истинной причине упорства королевы и получил от него в ответ приказание непременно подыскать какого-нибудь итальянца или француза и предложить ему 10 тысяч талеров за убийство ненавистного соперника. Как один другого стоит!.. Тиран Швеции не задумывался умертвить Дадлея рукою наемного убийцы, а Дадлей, в свою очередь имея виды на руку королевы, отравил свою жену…

С 1561 года начались сношения между Елизаветой и Марией Стюарт, а вместе с ними происки и интриги королевы английской, окончившиеся, как мы уже видели, казнью королевы шотландской. Непрерывные мятежи, разжигаемые в Шотландии Мерреем, не привели к желанному результату – свергнуть Марию Стюарт с престола – и тогда для ее пагубы в уме Елизаветы созрел другой план, первую мысль о котором подал ей возлюбленный Дадлей. Зная, что Мария неоднократно отзывалась о красоте его с самой выгодной стороны, Елизавета, пожаловав ему титул барона Денби и графа Лейчестера, предложила его в мужья Марии Стюарт… Последняя отказалась, может быть, к счастью для самой же Елизаветы. Отравление жен, как увидим далее, было какой-то манией у графа Лейчестера; подобно сказочному Раулю Синей Бороде, этот изверг и женился-то, кажется, для душегубства. Нет сомнения, что именно для убиения Марии Стюарт он, с согласия Елизаветы, за нее сватался. Отравив королеву шотландскую и этим путем присоединив ее королевство к Англии, остановился ли бы Лейчестер на этом? Нет, разумеется. За Марией, отравив и Елизавету и оставшись после нее единственным наследником, убийца взошел бы на престол Великобритании. Что им руководила эта адская мысль, доказательством могут служить все последующие события. В год выхода Марии Стюарт за Дэрнлея (1565) английский парламент опять докучал Елизавете настойчивыми предложениями о замужестве, и опять она отвечала ему отказом. Тогда статс-секретарь Сесиль, герцоги Норфолк, Немброк и граф Лейчестер (в особенности) требовали, чтобы Елизавета из среды вельмож назначила себе преемника; Павел Вэнтсвортс (Wenthworth) заклинал ее именем Бога, угрожая в случае отказа гневом небесным и народным… Все старания олигархов остались втуне, и Елизавета попросила их до времени не поднимать вопроса о ее супружестве.

Парламент остался в ожидании, но с 1566 по 1571 год королева его не созывала. Засылала сватов к английской девственнице и Екатерина Медичи, предлагая ей в мужья на выбор Карла IX или Генриха Анжуйского, но в ответ получила отказ, приправленный насмешкой, – верные шпионы донесли Елизавете о готовившемся тогда во Франции избиении гугенотов!

Хитрость и лицемерие графа Лейчестера на пути к престолу не принесли ему никакой существенной пользы. Отказывая женихам, Елизавета не отдавала своей руки Лейчестеру; одинокая, она не назначала его своим наследником. Всячески отстраняя от милостей Елизаветы всех царедворцев, граф Лейчестер еще заботливее следил за теми из них, которые по своему происхождению имели более права, нежели он, выказать притязания на престол. Таковыми были Сеймур, граф Гэртфорд и жена его Екатерина Грэй, родная сестра несчастной Джейн. По наговорам Лейчестера Елизавета объявила брак их расторгнутым, а двух детей, рожденных Екатериной, незаконными… Заточенная в темницу вместе с мужем, графиня Гэртфорд в ней умерла, присоединив свое имя к длинному списку прочих жертв временщика. В 1572 году граф Лейчестер тайно обвенчался с леди Дуглас Говард, вдовой барона Шеффилда. Слухи об этом дошли до ушей Елизаветы, и опала готовилась обрушиться на неблагодарного Лейчестера. Опоив жену каким-то зельем, от которого у несчастной вылезли волосы и отвалились ногти, злодей принудил ее к разводу и выдал ее за Эдуарда Стаффорда. Недавно негодовавшая на своего возлюбленного, Елизавета сменила гнев на милость, и Лейчестер по-прежнему был первым после королевы лицом при дворе и в государстве. Число его льстецов возрастало с каждым годом, женщины, не смея явно соперничать с Елизаветой, наперебой ловили каждый взгляд красавца, каждое его слово. Вкрадчивый, как змей-искуситель, Лейчестер имел в своей наружности особенную, обаятельную, неотразимую прелесть; Эндимион английской Дианы, он до последней своей минуты имел на нее могучее влияние, и не было преступления, которого бы она не простила ему. Ужасная в своем гневе, способная своеручно растерзать виновника своей ярости, Елизавета не имела сил сердиться на Лейчестера, и кроме короны, то есть жизни, не было той жертвы в мире, которой бы она не была способна принести своему обожаемому красавцу. При своем могуществе сколько пользы и добра мог бы принести Лейчестер своему государству, если бы, кроме красивой наружности, природа одарила его богатыми способностями или мало-мальски благородными чувствами… Нет! Способный единственно на интриги и злодейства, Лейчестер был даже не посредственностью, но олицетворенной бездарностью, и гнусная его личность может служить типом породы вредных временщиков, тех сынов счастья, которых ближе всего следует называть ржавчиной на венцах королей, молью на их порфирах… Здесь нелишним считаем объяснить читателю, в чем мы полагаем разницу между временщиком вредным и полезным.

Наше русское слово *временщик,* равносильное иностранному *фаворит,* имеет, однако же, перед ним то преимущество, что происходит от корня *время* и соединяет в себе два понятия: о милостях государя к своему любимцу и о непродолжительности могущества последнего – могущества преходящего, временного. «На милость образца нет» – говорит наша родная пословица. В старину ничтожная услуга, оказанная вовремя, острое словцо, кстати сказанное, в особенности же красивая наружность выводили счастливцев в люди и возносили их до высоты тронов королевских. Пользуясь благосклонностью к ним государей или государынь, эти счастливчики вслед за собой обыкновенно вытягивали из грязи свою родню, окружавшую государя живой изгородью и тем делая его недоступным; как голодные пиявицы, сосали государственную казну, а вместе с нею и кровь народную. Загораживал ли им дорогу человек истинно даровитый, полезный – его сталкивали, втаптывали в грязь, отравляя ядом или наговорами и клеветами доводили до изгнания, до эшафота. Приберегая милости и щедроты только для самих себя, вредные временщики побуждали державных своих покровителей не скупиться на казни и немилости к другим. В истории всемирной наберется немало государей, людей, в сущности, добрых, но прослывших, однако, тиранами, благодаря своей бесхарактерности, а главное – благодаря временщикам и фавориткам, злоупотреблявшим их расположением. Вредными временщиками были Лейчестеры, Сен-Марсы, Бироны, Шуазели. Этого разряда господа не пренебрегали никакими путями для достижения своих властолюбивых или своекорыстных целей. Их не волновало, что, стремясь к почестям, они пятнали себя бесчестием и по колена в грязи и крови взбирались на высоту, где эта грязь и кровь становились особенно заметны. Какое им дело, что под их ногами раздавались стоны раздавленных и угнетенных? Лишь бы достигнуть цели, а там за золотом и ярким гербом, как они были уверены, не видно будет ни грязи, ни крови; вопли и проклятия жертв будут заглушены хором льстецов и раболепствующих паразитов. От этого разряда временщиков резко отделяется другой, который мы, за неимением под рукою более подходящего слова, назовем разрядом временщиков полезных. Думая о себе, они не забывали других, и милости случайные, незаслуженные оправдывали заслугами и подвигами на пользу общую. Кардинал Ришелье был временщиком, но он возвеличил Францию; Струэнзе был фаворитом королевы, но народ датский за попечения министра о пользах народа благословлял его; наш Меншиков тоже временщик, но вместе с тем сподвижник великого Петра, умный исполнитель многих

благих его предначертаний… Временщиками были Разумовские, но их фаворитизм не вредил никому, а благодеяния их народу равнялись щедротам и милостям к ним Елизаветы Петровны. Почетные прозвища *Чесменского* и *Таврического,* неразлучно связанные с фамилиями Орлова и Потемкина, отчасти заглаживают в памяти потомства с их же именами сопряженные эпитеты временщиков…

Но после этого, возразят нам, каждого заслуженного человека можно назвать временщиком?

Нет, не каждого. Вредный временщик – вор, крадущий милости у своего государя, или, что одно и то же, шулер, фальшивый игрок, выигрывающий у счастья огромные ставки благодаря ловкой своей передержке; полезный временщик – тоже игрок, но игрок честный, которому *везет*… истинно заслуженный человек – богач, потом и кровью наживший громадное состояние, но могущий дать совестливый отчет в каждом приобретенном рубле. Чистейшим типом безукоризненного служаки, начавшего свое поприще с солдатским ружьем на плече, а окончившего его с фельдмаршальским жезлом в руках, в короне италийского принца крови, – наш бессмертный Суворов! Этого героя временщиком не назовешь: он грудью, а не спиной или красивым лицом взял все свои почести, на слепую фортуну не полагался, в удачу не верил. «Помилуй Бог! – говаривал наш чудо-богатырь. – Сегодня удача, завтра удача… Надобно же и уменье!»

Теперь возвратимся к прерванному рассказу и окончим биографический очерк презреннейшего из всех временщиков древних и новейших времен – графа Лейчестера.

В сентябре 1573 года Елизавете исполнилось сорок лет; она достигла того возраста, в котором безжалостное время отнимает даже у красавицы большую часть прелестей, а королева английская и смолоду не могла похвалиться красотой, хотя до гробовой доски была уверена и заставляла верить других, что прелестнее ее нет на свете. Высокая ростом, превосходно сложена, более величавая, нежели грациозная, она имела в лице что-то жесткое, отталкивающее. Рыжие затейливо убранные волосы, высоко взбитые по моде того времени, осеняли высокое чело, на которое еще в молодых годах слишком часто набегали морщинки глубокой мысли, раздумья, но всего чаще – досады. Нос напоминал клюв хищной птицы, тонкие губы, острый выдающийся подбородок обличали характер злобный, безжалостный и непреклонный… Глаза королевы английской были необманчивым зеркалом ее души, великой и коварной – как море, которое они напоминали своим изменчивым цветом. Прозрачно-серые в спокойном состоянии Елизаветы, ее глаза

отливали лазурью в минуты радости и делались зеленоватыми, фосфористо-блестящими в минуты гнева. Приближаясь к сорока годам, а с ними к разрушению, Елизавета приняла все меры к сохранению себя вечно юной с помощью косметических средств, всевозможных притираний, умываний и т. п. Она именным указом запретила продавать свои портреты без особого на то разрешения по той причине, как она выражалась, что художники, не видя подлинника, придавали чертам ее лица несвойственное ему выражение или изображали его с недостатками, от которых «Бог королеву помиловал». В последние годы скрывая седины, Елизавета носила парик, а худобу и морщиноватость шеи маскировала высоким, туго накрахмаленным воротником. Гардероб ее, бесспорно, был богатейшим в Европе, так как в нем насчитывалось свыше тысячи платьев с соответствующими каждому уборами. В полном блеске туалета королева явилась на семнадцатидневных празднествах графа Лейчестера, в его великолепном замке Кенильуртос в 1574 году. Летописи единогласно утверждают, что подобной роскоши не было видано до тех пор ни в Англии и нигде в свете. Великий Могол, конечно, мог поспорить богатствами с королевой английской и ее фаворитом, но при отсутствии изящества и вкуса что значат груды бриллиантов и горы золота! Праздники в замке Кенильуртос наделали шуму в Европе, а рассказы о них возбудили завистливое любопытство в государях континента. Нет действия без причины, и граф Лейчестер истратил в течение семнадцати дней до миллиона серебряных рублей (на наши деньги) не ради пустого тщеславия. Чествуя в своем замке королеву, он видел в ней невесту, и празднества его были похожи на торжественную помолвку… С выражениями благодарности от Елизаветы он ждал слова согласия, почти уверен был, что корона и скипетр будут ему наградами за двадцатилетнюю связь, начатую под сводами Тауэра, продолжавшуюся под сенью престола…

Но о бракосочетании своем с фаворитом у Елизаветы не было и мысли; радужные мечты временщика разлетелись вместе с дымом его блестящих фейерверков, надежды угасли вместе с иллюминациями.

К этому времени можно отнести интимное сближение Лейчестера с семейством Вальтера д'Эвре, графа Эссекса, бывшего наместника Ирландии. Он был женат на Летиции Нолльс, родственнице Елизаветы (со стороны ее матери Анны Болейн), и имел сына Роберта, родившегося 10 ноября 1567 года. Сближаясь с Эссексами, граф Лейчестер шел к престолу вновь про-лагаемой тропой, по своему обыкновению – тропой злодейства. Обольстив

Летицию Эссекс, Лейчестер отравил ее мужа и тайно обвенчался с нею. Расчет убийцы был тот, чтобы породниться с Елизаветой и тем приобрести неоспоримое право на престолонаследие. Малолетний Роберт, отданный умирающим отцом лорду Бурлею, рос на его попечении; брак матери с убийцей оставался тайной для него и для всего двора до 1578 года, когда посланник герцога Франциска Анжуйского открыл все Елизавете. Разгневанная, она потребовала от временщика ответа, грозилась засадить его в Тауэр, но вскоре сменила гнев на прежнюю милость. Граф Лейчестер без всякого стыда клятвенно уверил королеву, что все сообщенное ей не что иное, как гнусная клевета, дело интриги завистников. Все пошло прежним порядком…

В 1584 году иезуит Парсон издал анонимный памфлет под заглавием «Республика Лейчестера», в котором разоблачил все злодейства временщика и выставил его опасным крамольником, преобразующим на свой лад государственную конституцию и покровительствующим пуританам с целью найти в них поддержку в случае переворота. Памфлет иезуита, написанный желчью, со многими преувеличениями, содержал в себе, однако же, порядочную частицу истинной правды. Что же сделала Елизавета? Государственный совет по ее повелению от ее имени издал указ, опровергавший по пунктам все обвинения, возведенные на Лейчестера в памфлете и вместе с тем исчислявший его достоинства и заслуги. Не желая оставаться перед королевою в долгу, временщик, пригласив вельмож и дворян на чрезвычайное собрание, предложил им дать законную силу биллю о предании смертной казни каждого, осмеливающегося не только покушаться на жизнь королевы, но даже неуважительно о ней отзываться. Парламент утвердил предложение Лейчестера, и новый закон пришелся как нельзя более кстати для применения его к Марии Стюарт.

Около этого времени при дворе явилось новое лицо, обратившее на себя благосклонное внимание королевы, а потому, разумеется, и всех ее приближенных. Это был семнадцатилетний Роберт Эссекс, стройный красавец, умом и образованием напоминавший феноменального Филиппа Сиднея (бесценный алмаз в короне Елизаветы, как его называли). Граф Лейчестер не только не глядел косо на молодого Эссекса, но, представив его ко двору, всячески старался выставить Роберта с самой выгодной стороны. В этом случае, как всегда и во всем, у временщика был расчет, и довольно верный. Кроме Эссекса, едва ли кто другой мог занять место фаворита, и, таким образом, фаворитизм пасынка был бы продолжением фаворитизма отчима; наконец, и Эссекс, руководимый своей матерью и Лейчестером, был бы

надежным и могущественным орудием для осуществления заветных замыслов временщика. Своими отношениями к нему и матери молодой Эссекс отчасти напоминал Гамлета: та же бессильная ненависть к отчиму, недовольство матерью, с той разницей, однако, что Эссекс боялся Лейчестера, а потому перед ним хитрил и лукавил. Дебют молодого Роберта в роли царедворца был весьма удачен и снискал ему всеобщее одобрение. Это было осенью, в Виндзоре. Пользуясь тихой, ясной погодой, Елизавета пожелала прогуляться в парке, куда отправилась, сопровождаемая несколькими фрейлинами, Лейчестером, Карлом Блоунтом и Эссексом. Бродя по аллеям парка без определенной цели, королева достигла его конца, отдаленного от замка, а потому и содержащегося довольно нерадиво… Широкая дождевая лужа перегородила дорогу Елизавете, и она остановилась, вынужденная или отступить, или обойти лужу по влажной траве. Заметив затруднение королевы, Эссекс сорвал с плеча свою богатую епанчу голубого бархата, вышитую серебром, и разостлал ее под ногами Елизаветы. Эта внимательность и находчивость понравились ей, ласковая улыбка и несколько приветливых слов были наградой молодому кандидату в фавориты, которому лужа послужила первой ступенькой к возвышению. Нравственный вывод из этого события сам напрашивается на язык, и нельзя удержаться, чтобы не сказать об Эссексе: он не первый и не последний временщик, благодаря грязи вышедший в люди.[3]

Весной 1585 года Нидерланды решились свергнуть ненавистное испанское иго. Елизавета, помогая им субсидиями и военными силами, главнокомандующим своих войск назначила графа Лейчестера. Желая дать случай Эссексу отличиться на поле брани, временщик предложил ему отправиться с ним в поход, на что Эссекс, однако же, сначала не согласился, но потом, по настояниям матери, отправился. Встреча, оказанная Лейчестеру в Нидерландах, была истинно королевским триумфом: жители Нидерландов и войска республики приветствовали его как освободителя и героя. Лейчестер единодушно был избран в правители соединенных провинций. Упоенный своим торжеством, временщик до того забылся, что принял предложенный ему сан, не испросив на то разрешения своей государыни. Оскорбленная Елизавета, довольствуясь выговором, простила фавориту его бестактность.

Военные действия начались, но успехи Лейчестера далеко не соответствовали возлагаемым на него надеждам нидерланд– цев. Ловкий на турнирах и ристалищах, он оказался бездарнейшим полководцем; искусный в интригах, одаренный способностью

убивать из-за угла или опаивать ядом своих соперников, временщик лицом к лицу с неприятелем на ратном поле пасовал, смущался, трусил… Разбиваемый герцогом Пармским, он без толку тратил войска и вместо войны наступательной вел оборонительную. Нидерландцы увидели, что немного поторопились венчать лаврами иноземца, бойкого на словах, щедрого на обещания, но покуда, еще не разочарованные окончательно, ждали безропотно, что счастье авось улыбнется и Лейчестеру. Он осадил Зуфтен. Эссекс, руководивший кавалерией, оказал чудеса храбрости, сэр Филипп Сидней,[4] смертельно раненный, запечатлел кровью добросовестное свое служение правому делу, пожертвовал ему и жизнью, но ни тот, ни другой не принесли нидерландцам никакой существенной пользы, и всеобщее негодование было достойной наградой бездарному Лейчестеру, взявшемуся не за свое дело. В ноябре 1586 года он возвратился в Англию и вместо предания суду был пожалован в министры двора, а Эссекс – в шталмейстеры.

Находясь теперь в своей сфере, временщик принимал самое деятельное участие в процессе Марии Стюарт и настойчиво предлагал отравить ее ядом, что, как мы уже видели, отвергнуто было канцлером Уолсингэмом. В 1587 году Лейчестер имел бесстыдство снова отправиться в Нидерланды для отражения испанцев от устьев Шельды. На этот раз он прибыл единственно для руководства интригой и обширным заговором, организованными в его пользу многочисленными его приверженцами. Временщик надеялся после окончательного вытеснения испанцев из Нидерландов прибрать их к рукам и стать не штатгальтером республики, но сразу королем.

Слух о его кознях достиг ушей Елизаветы, и она поспешила отозвать своего возлюбленного в Англию… Заговор ширился, число приверженцев возрастало, несмотря на усилие партии друзей свободы и независимости, но Лейчестер не смел ослушаться своей королевы. Перед отъездом он роздал своим нидерландским друзьям золотые медали, которые и в его отсутствие должны были напоминать им о продолжении и доведении до желанного конца начатого дела. На этих медалях на одной стороне был изображен поясной портрет Лейчестера, а на другой – стадо овец с собакой, удаляющейся, но оглядывающейся; надпись вверху гласила: «По неволе покидаю» (invitus desero) – а внизу: «Не стадо, но неблагодарных» (non gregem sed Ingratos)… Приверженцы временщика, усердно помогая его замыслам, активно сеяли раздоры в Нидерландах, умножая число внешних врагов внутренними.

Война Англии с Испанией приняла ужасающие размеры.

Филипп II снаряжал свою знаменитую *Непобедимую армаду* под начальством адмирала Медина-Сидониа; Елизавета, со своей стороны, готовилась встретить могучего врага, доверив предводительство морских сил великому адмиралу графу Арондель Карлу Говарду, Френсису Дрэку, Гоукинсу, Фробишору; командование войсками сухопутными, собранными в Тильбюри, было возложено на Лейчестера; граф Эссекс – теперь уже кавалер ордена Подвязки – был назначен начальником всей кавалерии. Производя в Тильбюри смотр своим войскам, Елизавета, указывая им на Лейчестера, произнесла такую речь:

– Он, мой генерал-лейтенант, среди вас заменит вам меня… Доныне еще ни у одного государя не было достойнейшего и благороднейшего подданного!..

Одному Богу известно, насколько этот благороднейший и достойнейший подданный оправдал бы доверие своей государыни, если бы Непобедимой армаде, 1 июля 1588 года отплывшей из Лиссабона, не пришлось бороться со стихиями вместо английских войск. Адмиралам легко было добить жалкие остатки испанского флота, разоренного бурями, пожарами, разбившегося о подводные скалы. Гордясь победой, Елизавета увековечила гибель Армады двумя медалями; сперва с девизом, приписывающим всю честь и славу ей, *женщине,* но потом, по совету парламента, велела эту хвастливую надпись заменить стихом псалма: «Помощь мне от Господа, сотворившего небо и землю» (Пс. 120, ст. 2).

Щегольское появление на коне, в блестящих доспехах, с жезлом фельдмаршала перед войсками на параде в Тильбюри было последним явлением жизненной трагедии Лейчестера; в том же 1588 году он умер в Корнбьюри, на пятьдесят восьмом году жизни. В конной рыцарской зале арсенала лондонского Тауэра (the horse armoury) доныне хранится одетая в подлинные доспехи Лейчестера его величавая, красивая фигура на удивление потомству. Эта кукла, точное изображение всех достоинств фаворита Елизаветы, имеет перед живым своим подлинником именно то великое преимущество, что она кукла, хотя и такая же бездушная, как Лейчестер, но зато безвредная…

Как хорошо было бы, если бы в старину короли и королевы вместо живых кукол временщиков и фавориток довольствовались восковыми или деревянными, от скольких бедствий были бы тогда избавлены их подданные, казна – от расхищения, человечество – от стыда, а история – от многих позорных страниц.

Похоронив Лейчестера, Елизавета недолго вдовствовала и недолго оплакивала его: открывшаяся ваканция, чуть ли еще не при жизни временщика, уже была занята Эссексом. Подвернулся

было другой искатель счастья, Карл Блоунт, лорд Монжуа (Montjoie), но Эссекс со шпагою в руке удержал за собой выгодную позицию. Из-за пустого повода вызвал Блоунта на дуэль, скрестил с ним шпагу и был ранен в колено.

– Что за негодные мальчишки! – сказала Елизавета, узнав о столкновении соперников, но внутренне весьма довольная. – Надобно их унять, а то, пожалуй, тот и другой голов не снесут.

Пожурив бойцов тоном доброй бабушки, выговаривавшей шалунам внукам, королева их помирила, и враги сделались добрыми друзьями. Сравнение королевы с бабушкой, а графа Эссекса и Блоунта – с внуками кажется нам тем более уместным, что оба они по своим годам действительно годились ей во внуки, но именно поэтому она и удостоивала Эссекса пылом старческого своего сердца: ей было тогда пятьдесят шесть лет, а фавориту – двадцать два года. Набеленная, нарумяненная, в рыжем парике, опутанном бриллиантовыми нитями, Елизавета рука об руку с Эссексом, как молоденькая девочка, порхала на придворных балах в полной уверенности, что она неизменно все та же, какой была тридцать шесть лет тому назад, и что старость, настигая всех простых смертных, к ее британскому величеству не смеет прикасаться… Первые годы фаворитизма графа Эссекса – смешной водевиль, послуживший прологом к кровавой трагедии. Елизавета, тридцать два года сожительствуя с Лейчестером, осыпая его богатствами и почестями, покорялась ему, как жена – мужу; скажем более – она боялась Лей-честера, который держал ее в руках. Молодого Эссекса она сама взяла в руки, надоедала ему ревностью, капризами, играла им, как пешкой, и при малейшей с его стороны попытке поослабить гнетущее его иго обходилась с фаворитом не слишком вежливо. Новый временщик был похож на несчастного молодого мужа, отдавшегося в кабалу старой, сварливой жене ради ее богатства…

А между тем Эссекс, при сравнении его с покойным Лей-честером, был честнее, благороднее, добрее, талантливее. Пользуясь особенной благосклонностью королевы, он при каждом удобном случае старался оправдать ее милость к нему воинскими подвигами, на что трусливый Лейчестер никогда не был способен. Положение Эссекса было еще и тем хуже положения Лейчестера, что у последнего были только безмолвные завистники и болтливые льстецы; у Эссекса были враги и клеветники, нашептывавшие на него Елизавете. За каждым шагом, за каждым словом Эссекса следили тысячи глаз, ушей, чтобы истолковать его поступки и речи в дурную сторону и доводить их до сведения королевы. В Лейчестера она верила – в Эссексе сомневалась; последнему в каждой ябеде или клевете, на него сплетенной,

приходилось разубеждать свою высокую покровительницу, оправдываться. На время успокоенная, Елизавета при первом поводе снова впадала в сомнение, слушала ябедников, косилась на фаворита.

В начале 1589 года сэр Джон Норрис и Френсис Дрэк задумали экспедицию в Португалию для возведения на престол низложенного дона Антонио. Эта мысль – опасный поход в далекий край, сопряженный с подвигами, может быть, и славными победами, – пленила графа Эссекса, и он, не сказав ни слова королеве, без ее разрешения отправился в Португалию, откуда его вызвала Елизавета грозным письмом, наполненным колкостями и упреками. Граф Эссекс возвратился, и королева успокоилась; он ждал выговора, ареста – она встретила его ласками и нежностями, стоившими телесного наказания.

Безумная ревность влюбленной старухи заставляла бедного графа Эссекса хитрить и лукавить во всех тех случаях, когда судьба сталкивала его с молодыми красивыми женщинами.

Скрепя сердце молодой красавец принужден был разыгрывать роль скромника, неизменно верного своей дряхлой мегере. Он писал ей даже стихи нежного содержания, из которых особенно замечательны одни, читанные или пропетые на празднике, данном графом Эссексом в 1589 году. В них несчастный поэт отказывался от своей бранной славы, бросал меч и шлем, уступая последний пчелам вместо улья; выражал готовность заменить воинские доспехи – власяницей, лишь бы быть исповедником и капелланом владычицы своего сердца, то есть Елизаветы.[5] Мы не смеемся над поэтом-царедворцем, нас нимало не удивляет, что его могла вдохновить пятидесятишестилетняя старуха. Будь на месте Эссекса любой современный поэт по профессии, друг народа, не преклоняющийся (на словах) перед сильными мира сего, и он бы писал Елизавете оды, послания, мадригалы, и он бы черпал вдохновение если не в тусклых очах *женщины,* то в золотой казне *королевы.* Страшась ее гнева, Эссекс в 1590 году тайно обвенчался со вдовой Филиппа Сиднея, единственной дочерью канцлера Уолсингэма. Враги фаворита не замедлили с доносом, и Елизавета была в ярости! Сохраняя еще настолько чувство своего достоинства, чтобы не выказать вульгарной ревности, королева негодовала на графа Эссекса за этот неравный, по ее словам, неприличный брак, унижающий род Эссексов. «Он мог бы составить партию более достойную, – говорила она приближенным, – от его руки не отказалась бы любая владетельная принцесса!»

В 1591 году французский король Генрих IV просил у Елизаветы помощи для усмирения мятежных своих подданных.

Командование вспомогательными войсками, отправленными во Францию, было возложено на графа Эссекса. Он настоятельно требовал от Генриха осады Руана, оказал замечательную храбрость под его стенами, где брат его Вальтер был убит. Граф Эссекс уверял Генриха, что своими орудиями разгромит укрепления города и не оставит камня на камне; но король французский не соглашался на эти предложения. Его пугало ретивое усердие иноземца и удерживали жалость и стыд отдать родной город на разграбление английскому войску. Обиженный отказом короля, граф Эссекс вызвал на поединок Виллара, коменданта Руана, который уклонился от этой чести. Тогда английский полководец возвратился на родину ни с чем. Покуда он отличался во Франции, завистники его не дремали, что доказывалось суровой встречей, оказанной графу Эссексу королевой. Недовольная его действиями во все продолжение похода, она особенно выговаривала ему за своевольничанье, за превышение данной ему власти, так как он произвел некоторых в офицеры, не испросив на то разрешения королевского. Немалого труда стоило Эссексу вымолить себе прощение, и с этого времени он стал заискивать перед народом, покровительствуя пуританам и всячески стараясь стать популярным.

В 1593 году Елизавета включила его в число членов государственного совета, и в это же время за границей была напечатана брошюра возмутительного содержания «О престолонаследии в Англии», посвященная графу Эссексу. В ней неизвестный недоброжелатель, обвиняя его в домогательстве верховной власти, угрожал Англии мятежами, единственным спасением от которых могло быть свержение Елизаветы с престола. Несомненно, что это исчадие зависти и недоброжелательства было делом врагов Эссекса, отчасти достигших своей цели, так как брошюра эта восстановила королеву против ее любимца. Дряблое сердце Елизаветы повелевало ей не расставаться с Эссексом, рассудок, устами его ненавистников, советовал держать его в почтительном отдалении от дел внутренней политики, даже от Англии. Облекая устранение своего фаворита в благовидную форму, Елизавета возлагала на него поручения почетные, при удачном исполнении которых он мог заслужить новые награды и милости. В 1596 году испанцы осадили Кале; обсервационный корпус, посланный в Дувр, был отдан под начальство графа Эссекса. Пользуясь войной, великий адмирал Говард вместе с фаворитом составил план новой экспедиции в Испанию, и с сильными десантными войсками они отплыли к Кадиксу, который сдался Эссексу. 5 июля 1596 года герой отплыл из Кадик-са, а 10 августа прибыл в

Плимут, где его встретила Елизавета и восхищенный народ. Последний выказал при этом живейшее сочувствие Эссексу, и триумф победителя был самым чувствительным отмщением его клеветникам, которые, разумеется, не преминули предостеречь королеву от опасности вследствие этих слишком приязненных отношений народа к графу Эссексу. По возвращении в Лондон он был приглашен во дворец к Елизавете для важных объяснений. Выведенная из терпения постоянными наговорами, происками и каверзами и выразив свое негодование не на него, Эссекса, но на его врагов-олигархов, королева явила ему новый знак расположения и искренней доверенности. Она подарила своему любимцу собственный перстень, будто волшебный, предохраняющий талисман против злодеев. На краю гибели, оговоренный в каком бы то ни было преступлении, под топором палача Эссекс *имел право, предъявив этот перстень королеве, получить полное прощение.* Этот перстень был даром Елизаветы не подданному, но любимому человеку, жизнь которого была ей дорога, священна. Неограниченная в тайных своих ласках, королева, однако же, явно была строга и взыскательна к фавориту, удаляла от должностей всех тех, кому он покровительствовал; его рекомендации сделались подорожными к увольнению со службы. Подпольная интрига, ведомая вельможами, шла успешно; робкие, низкопоклонные перед покойным Лейчестером, они с возмутительной дерзостью подкапывались под графа Эссекса. Чтобы утешить его и успокоить, Елизавета произвела фаворита в генерал-фельдцейхмейстеры в 1597 году, и, как бы в благодарность королеве за ее новую милость, граф Эссекс испросил у нее разрешения на новую экспедицию в Испанию, занятую в то время снаряжением флотов в Корунье и Ферроле. Эта экспедиция не увенчалась успехом: сильная буря у Плимута, а затем противные ветры задержали английский флот у родных берегов около месяца. Выжидая погоды, Эссекс передумал ехать в Испанию, а вместо того решился вместе с Вальтером Рэйли плыть в Индию и отвоевать ее у испанцев. Но и эта экспедиция не состоялась вследствие размолвок между адмиралом и Эссексом. Все их подвиги ограничились завоеванием одного из Азорских островов и захватом трех испанских кораблей, шедших из Гаваны с богатым грузом.

По возвращении в Англию Эссекс нашел при дворе перемены к худшему и такое усиление враждебной ему партии, что решил подать в отставку. Это с его стороны не было пустой угрозой, но следствием сознания, что ему при новых порядках делать было нечего или, еще хуже, не устоять. Елизавета, желая удержать

фаворита от этого намерения, произвела его в великие маршалы Англии. Это повышение придало Эссексу самонадеянности, и он вообразил, что один в состоянии будет бороться с легионом своих недоброжелателей. В 1598 году между Англией и Испанией начались переговоры о мире. Лорд Бурлей и большинство членов государственного совета подали голос за мир, граф Эссекс один стоял за продолжение войны, обещая Англии громадные выгоды и осыпая чуть ли не бранью своего воспитателя Бурлея и его приверженцев. Не довольствуясь устными доводами, Эссекс напечатал меморию в свою защиту, причем не поскупился на язвительные нападки и насмешки над своими противниками. Вообще в последние три года жизни фаворит, озлобленный, выведенный из терпения, выказывал непозволительную запальчивость. Непрерывные смуты в Ирландии требовали решительных действий, и этот вопрос всесторонне обсуждался на совете и в парламенте. Не щадя наместника и его подчиненных, Эссекс осуждал все их действия, доказывал, что при их вялости и нерешительности умиротворение мятежной страны немыслимо. Однажды при подобном споре в кабинете королевы он до того раскричался, что она ударила его перчаткой по щеке… Кто из нас еще в детстве не читал об этой знаменитой пощечине, более позорной для Елизаветы, нежели для ее фаворита? Окончательно вышедший из себя, граф Эссекс схватился за эфес шпаги и сделал шаг к королеве; свидетель скандала граф Арондель едва мог удержать его…

– Королева и женщина! – прохрипел Эссекс с пеной у рта, сверкающими глазами смотря прямо в лицо Елизавете. – Я бы не простил этой обиды Генриху VIII, если б он был на вашем месте!

И, взбешенный, он вышел из кабинета, не обращая внимания ни на увещания великого адмирала, ни на королеву, требовавшую, чтобы он остался. На предложение канцлера просить извинения у Елизаветы Эссекс написал ему длинное письмо, в котором не только доказывал, что прав, но еще осыпал королеву упреками. Последняя еще посердилась несколько времени и простила смельчака, внутренне сознавая, что он был прав.

Этот факт, как мы уже сказали, не позорит графа Эссекса, но, напротив, приносит ему величайшую честь, так как здесь во временщике пробудился герой, а в рабе воскрес человек. *Необидчивость*– первая и капитальная добродетель каждого истого паразита и временщика: покровитель может им давать щелчки по носу, пощечины, под горячий час удостоивать своеручно и ударом трости; но их дело гнуть свои спины, столь же гибкие, как трость, улыбаться и целовать ручку, которая за

обиду не преминет наградить более или менее щедрой подачкой… Эссекс, к собственному своему несчастию, был не таков! Терпеливо перенося ласки Елизаветы, он не в силах был сносить оскорбления, и его вспышка за пощечину доказывает, что в нем фаворитизм еще не заглушил чувство личного достоинства, что он был горд не единственно только с теми, кого считал ниже себя.

12 марта 1598 года Эссекс был назначен вице-королем ирландским с неограниченными полномочиями и вместе с войсками отправился к месту своего назначения. Отличный администратор на словах, в своих спорах на совете, граф Эссекс оказался далеко не таковым на деле. Все его распоряжения в Ирландии противоречили, во-первых, высказанной им программе, а во-вторых, носили на себе отпечаток торопливости, необдуманности и совершенного незнания края. Там, где следовало употребить силу, вице-король действовал безуспешно убеждениями, где необходимо было оказать снисхождение, он был строг. Войска и деньги растрачивались им без толку, и вместо реляций об успехах он писал к королеве только о высылке ему подкрепления – то золотом, то оружием.

«Явная измена!» – шепнули Елизавете царедворцы, и она, запретив графу Эссексу отлучаться из Ирландии впредь до прибытия нового вице-короля, послала туда с войсками личного врага фаворита, графа Ноттингэма. Незадолго до прибытия последнего граф Эссекс в ожидании подкрепления имел неосторожность заключить с мятежниками перемирие… Сдав начальство и запутанные дела Ирландии графу Ноттингэму, бедный Эссекс со стыдом возвратился в Англию, где его ожидало падение и где из временщика ему было суждено превратиться в мятежника. Елизавета отдала графа Эссекса под суд, на котором он крайне плохо защищался, сваливал свою вину на других, жаловался на злоупотребления, которыми был окружен в Ирландии; наконец, упреждая приговор, предложил судьям удалить его от двора на житье в поместье. Падение с высоты моральной, как и с физической, редко обходится без вреда здоровью – и Эссекс захворал, слег в постель. В сердце Елизаветы пробудилось чувство жалости; отложив на время заседания следственной комиссии, она выразила живейшее участие к больному, несколько раз навещала его, сама подавала лекарства. Эта внимательность оказала на здоровье Эссекса благотворное влияние, и он выздоровел; всю его болезнь будто рукой сняло…

«Он притворился!» – шепнули завистники королеве, и она им поверила.

Опять начались заседания следственной комиссии, приговор

которой был утвержден государственным советом. Графа Эссекса присудили к освобождению от всех занимаемых им должностей с лишением орденов и оставлении чина генерала кавалерии… Трудно решить, в каком положении временщик более жалок: на высоте величия или после своего падения? Разжалованный Эссекс смирился, впал в ханжество и, воздыхая о суете мирской, уединился вдали от общества. Летом 1600 года, будто солнце из-за туч, ему прощальным приветом улыбнулось счастье: именем королевы ему объявлено было прощение с запрещением, однако, приезда ко двору. Видя в этом, и не без основания, происки врагов графа Эссекса, секретарь его, Генрих Кюф, советовал своему патрону во что бы то ни стало добиться секретной аудиенции у королевы, при которой он мог бы изобличить своих злодеев. Граф отказался от этого, сознавая всю бесполезность подобного действия.

– Какие объяснения могут быть с женщиной, у которой ум так же одряхлел, как и тело! – сказал при этом раздраженный Эссекс.

Через домашних шпионов, из уст в уста, эти дерзкие слова дошли до Елизаветы. Она приняла это к сведению. Иной план, иные умыслы зрели в уме Эссекса. Он помнил изъявление любви народной при его встрече по возвращении из Кадикса, до него доходили сочувственные отзывы о постигшей его опале, преданные ему люди вербовали на его сторону пуритан, которым он всегда покровительствовал. Основываясь на этих данных, конечно шатких, ненадежных, граф Эссекс задумал, свергнув Елизавету, возвести на английский престол Якова VI, короля шотландского (сына Марии Стюарт), или самому надеть ту корону, которой так долго и безуспешно домогался покойный Лейчестер. С Яковом шотландским Эссекс вошел в тайные сношения, обещая в случае народного восстания поддержку со стороны войск, расположенных в Ирландии под начальством Монжуа. С января 1601 года во дворце Эссекса начались сходки по обсуждению плана восстания. Для возбуждения ярости народной решили пустить молву об измене вельмож Елизаветы и о их сношениях с испанским королевским домом, которому они будто бы намереваются продать английский престол. Подняв народ под этим благовидным предлогом, заговорщики надеялись после дать бунту иное направление. Вечером 17 февраля члены тайного общества, организованного графом Эссексом, в числе ста двадцати человек намеревались с оружием в руках идти ко дворцу и принудить королеву образовать новый парламент вместо прежнего. Елизавета, узнав о сборище, послала к графу Эссексу Роберта Сэквилля, сына государственного казначея, с приказом немедленно явиться на государственный совет. Первым

движением заговорщика было пойти, но, получив безымянную записку, предупреждавшую его об опасности, он отказался от приглашения королевы под предлогом нездоровья. После ухода посланца друзья Эссекса предлагали ему бежать, но он, ответив отказом, объявил им о воззвании к народу и возмущении всего Лондона. На другой день, утром 18 февраля, триста заговорщиков собрались в доме Эссекса для окончательного обсуждения плана бунта и овладения Тауэром. Во время совещаний в залу собрания неожиданно вошел лорд-канцлер, лорд Эджертон, сопровождаемый тремя членами парламента, и от имени королевы спросил у присутствующих о причине сборища. Ему отвечали угрозами и объявили, что они все четверо арестованы. Оставив их в своем дворце, под надзором надежных друзей своих, граф Эссекс, сопровождаемый остальными сообщниками, с обнаженной шпагой выбежал на улицу с криком:

– За королеву!.. За государыню нашу!.. Народ, спасай меня от убийц и злодеев!..

На этот призыв откликнулись немногие. Народ не столько с участием, сколько с любопытством смотрел на шумную толпу, с оружием в руках бежавшую по улицам. По мере приближения к королевскому жилищу число спутников графа Эссекса убывало; более нежели на половине дороги дальнейший путь мятежникам был прегражден цепями и рогатками. Миновав одну преграду, на другой они были вынуждены прорваться силой через толпу народа, придерживавшего рогатку; при этом несколько человек было убито и ранено.

– Долой бунтовщиков! – кричали горожане, отражая толпу, предводительствуемую Эссексом, дубинами и бердышами.

Такова была *поддержка* мятежному временщику со стороны народа, на любовь которого он так рассчитывал.

Оставив товарищей на волю Божию, граф Эссекс пустился бегом по набережной и в лодке через Темзу возвратился к себе во дворец, совершенно опустевший. Недавние пленники – лорд-канцлер, члены парламента вместе с охранявшими их людьми графа Эссекса – спокойно ушли к Елизавете… Эссекс последовал их примеру.

Все историки единогласно отдают справедливость королеве английской, выказавшей в этот опасный день спокойствие и неустрашимость, особенно достойные удивления в шестидесятивосьмилетней женщине. Уверенная в любви народной, она смотрела на попытку графа Эссекса с той улыбкой презрения, с которой великан глядит на замахнувшегося на него ребенка. Ее глубоко тронула готовность жителей Лондона защищать свою законную королеву, и она видела в этой

готовности запас любви и неограниченной преданности. Бывший тогда при английском дворе посланник царя Бориса Годунова, дворянин Микулин, стоял в рядах защитников Елизаветы, о чем она с благодарностью писала царю, славя доблесть его представителя. Для суда над Эссексом и его сообщниками была наряжена комиссия из 25 пэров королевства, и заседание началось. На первый же вопрос: что могло побудить его к восстанию? – граф Эссекс отвечал, что он действовал в видах блага государства и спасения королевы от вельмож, замышлявших ее низложение и призвание на престол инфанты испанской. Душою этого фантастического заговора граф Эссекс назвал Сесиля, упоминал и о других, но по всем его речам видно было, что он импровизирует свою защиту. Министры королевы, особенно же Френсис Бэкон (некогда облагодетельствованный Эссексом), без труда опровергли все его показания и принудили его отступиться от собственных слов. Посаженный в Тауэр, граф Эссекс чистосердечно сознался во всем, но вместе с тем малодушно оговорил, кроме своих сообщников, множество лиц, к заговору вовсе не причастных. Ни признания, ни предательство не смягчили участи мятежника, и суд после непродолжительного совещания приговорил его к смертной казни. Выслушав приговор, исполнение которого было назначено на 25 февраля, Эссекс, не приступая ни к каким предсмертным распоряжениям, выразил одно только желание – видеть графиню Ноттингэм, супругу его заклятого врага, но к нему расположенную, даже слишком, как говорили злые языки. Желание осужденного было исполнено, и графиня на несколько минут посетила его.

Елизавета не сразу решилась подписать смертный приговор бывшему своему любимцу. Ее возмущала не дерзость, но непреклонность графа Эссекса, ни разу во все продолжение следствия не выразившего даже намерения прибегнуть к милосердию королевы. Она ждала раскаяния – он молчал, она ждала просьбы о пощаде, но гордый Эссекс, как видно, не желал купить спасение жизни унижением. Утром 25 февраля 1601 года он был обезглавлен в подвальном этаже Тауэра. От внимания присутствовавших не ускользнули тревожные взгляды, которые Эссекс обращал вокруг себя, будто чего-то ожидая до самой последней минуты. Пушечный выстрел возвестил жителям столицы, что приговор над мятежником совершен, правосудие удовлетворено и душа бывшего временщика вознеслась к небу, как облачко порохового дыма, взвившееся над бастионом лондонского Тауэра. Враги Эссекса торжествовали, негодовавшая на них Елизавета со дня казни сделалась задумчива и рассеянна; имя фаворита, неосторожно при ней произносимое, заставляло ее

содрогаться. Заметно было, что воспоминание о графе Эссексе пережило его в сердце Елизаветы, и ей стоило больших усилий, чтобы воздерживаться от выражения своей безутешной скорби. Дни уходили за днями, и с каждым днем королева явно дряхлела, теперь уже не заботясь об искусственной поддержке своей красоты, что, впрочем, едва ли было возможно в семьдесят лет…

В начале 1603 года графиня Ноттингэм, находясь при смерти, пожелала видеть королеву для сообщения ей, по словам больной, важной государственной тайны. Елизавета отправилась к графине и нашла ее в безнадежном состоянии, близком к агонии, но в полной памяти и в совершенном сознании. Не удаляя присутствовавших, умирающая тихим прерывающимся голосом сказала Елизавете, присевшей у ее изголовья:

– Государыня, вы видите теперь страшную преступницу перед вами, грешницу перед Богом… – Заметив по выражению глаз Елизаветы, что она принимает ее слова за бред, графиня продолжала: – Я говорю сущую правду и заранее прошу ваше величество простить меня и тем успокоить мою совесть, усладить последнюю мою минуту…

– В чем же ваш грех перед Богом и преступление передо мной? – спросила ласково королева.

– Известно ли вам, что граф Эссекс накануне своей казни желал видеть меня? Я была у него в Тауэре, и он умолял меня, именем всего святого, передать вам перстень… этот самый… и напомнить…

Рыдания задушили голос больной. Вырвав у нее из рук перстень Эссекса, подаренный ему после возвращения из Кадикса, Елизавета, пожирая графиню глазами, бледная, как она сама, дрожа всем телом, повторила:

– Напомнить? Напомнить о чем? Договаривайте все!

– Напомнить о вашем обещании в обмен на перстень оказать ему милость, какое ни было бы его желание. Несчастный Эссекс, именем той минуты, отсылая вам перстень, просил о помиловании…

– А вы не исполнили его желания! – вскрикнула Елизавета, вставая с кресел.

– Мой муж, узнав об этом, запретил мне…

– Спасти жизнь моему сопернику? Он мог запрещать вам! Но вы, женщина, не должны были повиноваться! Эссекс, Эссекс… – прошептала королева, прижимая перстень к посинелым губам и с выражением отчаяния в тусклых глазах. – Бог может простить вас, графиня, – продолжала Елизавета, с негодованием отходя от постели умирающей, – но я, я не прощаю и не прощу никогда!

Через два дня графиня Ноттингэм скончалась и тем была,

бесспорно, счастливее королевы. По возвращении во дворец Елизавета в сильнейшем истерическом припадке, сжимая перстень в руках, упала на постель и до поздней ночи пробыла в каком-то самозабвении. На все расспросы фрейлин и прислужниц она односложно отвечала:

– Эссекс!.. Эссекс!..

С этого времени здоровье ее было окончательно надломлено, и вместе с телесными страданиями иногда проявлялось как бы расстройство и ума. На предложение докторов лечь в постель Елизавета отвечала выражением боязни, что, легши в нее, она уже не встанет. Вместо того она приказала весь пол своей спальни обложить подушками и таким образом приваливалась то в одном углу, то в другом. Вместо прежней изысканности в одежде, доходившей до щепетильности, теперь Елизавета выказывала пренебрежение к самой себе и отвратительную неряшливость: по нескольку дней не сменяла ни белья, ни обуви, а между тем куталась в свою королевскую мантию, не снимая со всклокоченной головы малой короны! Вечером 24 марта она погрузилась в паралитическое состояние, уставив недвижные потухшие глаза в угол комнаты, и пробыла в этом состоянии девять дней, почти не принимая ни лекарств, ни пищи.

– Эссекс!.. Эссекс!.. – изредка бормотала она помертвелыми устами, поматывая головой, будто тревожимая призраком казненного.

2 апреля она очнулась и на расспросы канцлера о выборе преемника невнятно назвала Якова Шотландского. 3 апреля Елизаветы не стало!

С нею пресеклась династия Тюдоров, с 1485 по 1603 год, в течение ста восемнадцати лет, в лице трех королей и двух королев владычествовавшая в Англии. В особе Якова VI (в королях английских *первого)* воцарился несчастный дом Стюартов. В назначении Елизаветой себе в преемники сына Марии Стюарт исторические романисты, романические историки и драматурги видят проблеск раскаяния в умирающей королеве английской, с чем едва ли можно согласиться, во-первых, потому, что Елизавета в последние дни жизни была разбита параличом, поразившим отчасти и умственные ее способности, а во-вторых, кроме Якова, и наследовать ей было некому.

notes

Примечания

1

С этой целью Томас Сеймур, женатый на вдове Генриха VIII, его последней жене екатерине Парр, отравил ее ядом 7 сентября 1547 года.

2

Подробности этого злодейства находятся в книге Обрэ (Aubrey: Antiquities of Berkshire), нами нигде не отысканной, несмотря на все старания.

3

По словам некоторых историков, это сделал сэр Вальтер Рэйли (Raleigh).

4

Ф и л и п п С и д н е й, родной племянник Лейчестера, но, несмотря на это, добрый и благородный человек, родился в 1554 году. Превосходно образованный, он прославился на поприщах дипломатическом, военном и литературном. Пьеса «Lady of the May», буколический роман «Arcadia» дают ему право на почетное место между писателями века елизаветы. Польское дворянство предлагало ему королевскую корону, от которой он отказался, предпочитая вместо того быть подданным елизаветы. Скончался от полученной раны в Арнгейме 16 октября 1586 года.

5

Они помещены в подлиннике в «Истории елизаветы», соч. Кералио (M. K e r a l i o: Vie d'Elisabeth reine d'Angleterre. P., 1786, 5 vol. in 8, tome 5). Книга отменно сухая и скучная, любопытная единственно по обнародованным в ней документам.